

норманского флота через Дарданеллы и об опустошении им предместий Константинополя.

Более чем натянутым является истолкование, данное Васильевым так называемому „Откровению Мефодия Патарского“. „Я абсолютно уверен, — пишет Васильев, — что откровение Мефодия Патарского имеет в виду Михаила III и может служить новым средством реабилитации блестящих военных успехов незаслуженно приниженного императора, на защиту которого выступил так блестяще Грегуар“.¹ Васильев пишет это, великолепно зная, что греческие рукописи „Откровения“ не дают имени императора-освободителя, а если в русских интерполированных версиях это имя и дается (говорится, например, что в момент опасности императора Михаила не было в Константинополе, а ангел принес его из Рима) и если в этом легендарном сказании искать намек на историческую реальность, то всего естественнее под этим освободителем подразумевать Михаила Палеолога, освободившего Константинополь от ига латинян в 1261 г.,² а отнюдь не Михаила III. Последний, всю жизнь бывший простым орудием в руках кесаря Варды, а затем Василия Македонянина, если и совершил какие-либо „подвиги“, так только в беспощадной расправе с павликианами. И именно за это и начинают прославлять Михаила III современные реакционные буржуазные историки, с нескрываемой враждебностью относящиеся ко всяким движениям трудящихся масс. В их числе находится и Васильев.

Таким образом, книга Васильева, лишенная самостоятельности, представляющая эклектическое соединение взглядов Шахматова, Попадопуло-Керамевса, Истрина, Грегуара, Беляева, игнорирующая почти целиком работы советских историков и археологов, являющаяся пропагандой норманской теории, показывает, в каком плачевном состоянии маразма и растреления находится современная буржуазная наука в Америке и Западной Европе.

М. В. Левченко

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЖУРНАЛА „ÉTUDES BYZANTINES“ И „REVUE DES ÉTUDES BYZANTINES“ ЗА 1943—1948 гг.

В 1943 г. появился I том журнала „Études byzantines“, издаваемого в Бухаресте французским Институтом византийских исследований (Institut français d'études byzantines). Этот журнал явился заменой и прямым продолжением издававшегося тем же институтом журнала „Échos d'Orient“. С 1946 г. (с IV тома) журнал носит название „Revue des études byzantines“.

Под маркой французского Института византийских исследований на самом деле скрывается французская реакционная католическая конгрегация. Отсюда социальная и политическая направленность журнала. В основном журнал посвящен разработке вопросов богословия, церковной истории и церковной географии. Лишь изредка среди подаваемого все остальное материала узко-конфессионального характера встречаются статьи по политической истории Византии. Вопросы

¹ Ibid., p. 159.

² ЖМНП, 1875, май, стр. 48—50.

социально-экономического развития Византийской империи почти совершенно игнорируются редакцией журнала.

Том I (1943) открывается большой статьей S. Salaville „Vues sotériologiques chez Nicolas Cabasilas (XIVe siècle)“ (стр. 5—57). Николай Кавасила был одним из византийских богословов эпохи Палеологов, теоретиком поздне-византийского мистицизма. Но среди литературного наследия Кавасилы встречаются, кроме богословских, философские и риторические сочинения, труды по логике и астрономии и письма. Некоторые из этих произведений могут быть использованы как источник для изучения византийской культуры XIV в. Но автор данной статьи, которой предшествовала другая его работа, „La théologie de la Rédemption chez Cabasilas“, совершенно обходит исследование философских и общественно-политических воззрений Николая Кавасилы, которые можно проследить даже и по его богословским сочинениям. Он поставил целью лишь „научно обосновать“ сотериологические взгляды Николая Кавасилы. Для осуществления этой цели автор проявляет много усердия, поистине заслуживающего лучшего применения, тщательно нанизывая одну на другую бесконечные цитаты из богословских сочинений византийского мистика. Все это обилие текстов понадобилось Salaville, чтобы сделать выводы о мнениях Николая Кавасилы о „справедливости бога“, о „позитивных и негативных условиях человеческого спасения“, о „символизме обряда крещения“, о святой деве как „идеальном типе человека“ и т. д. Советскому читателю, привыкшему к серьезной научной трактовке всех проблем идеологического порядка, основанной на единственно научной теории диалектического и исторического материализма, покажутся смешными рассуждения Salaville, которым он придает совершенно серьезный характер. Приведем два примера. Автор полемизирует с аббатом Rivière, также изучавшим произведения Кавасилы,¹ по вопросу о том, были ли соединены в представлении Кавасилы пути „воплощения“ и „искупления“, или они могут иметь самостоятельное существование (стр. 22). Значительная часть работы автора занята похвалами теоретику мистицизма за его „грандиозную“ идею о деве Марии как идеальном типе человека (стр. 35—36). Аналогичные рассуждения рассыпаны по всей статье и отчетливо показывают реакционный, антинаучный характер стряпни этого католического мракобеса.

Следующая статья в этом томе, принадлежащая перу V. Laurent, посвящена вопросу об учреждении Афинской митрополии и церковном статуте Иллирика в VIII в. (стр. 58—72).² Эти церковные реформы были связаны с бурной эпохой иконоборческого движения и, в частности, с восстаниями в Италии и собственно Греции, вспыхнувшими после первого эдикта Льва III против икон. Насильственно присоединив тогда Иллирию к Константинопольскому патриархату, Лев III создал Афинскую митрополию, сведениями о которой мы располагаем по одной из Notitiae episcopatum, относимой некоторыми исследователями к иконоборческому периоду.³ Новой митрополии даны были

¹ T. Rivière. La dogme de la Rédemption. „Études critiques et documents“. Louvain, 1931; T. Rivière, article „Rédemption“, Dictionnaire de théologie catholique, t. XIII (1937), col. 1942.

² V. Laurent. L'érection de la métropole de l'Athènes et le statut ecclésiastique de l'Illyricum au VIIIe siècle.

³ Издава была G. de Boor. Nachträge zu den Notitiae episcopatum. „Zeitschrift für Kirchengeschichte“, XII, 1891, S. 303—322, 519—534, cf. G. I. Konidares. Ai μητροπολεις καὶ ἀρχιεπισκοπαι τοῦ οἰκουμένηου πατριαρχείου καὶ αἱ τάξεις αὐτῶν, I. Ἀθήναι, 1934.

большие полномочия церковной юрисдикции путем учреждения 38 должностей суффраганов. Автор рассматривает надписи Парфенона, некоторые другие *Notitiae episcopatum*, а также послание аббата Гильдуина к Людовику Благочестивому 835 г. Эти источники позволяют ему выяснить некоторые детали положения церкви в новой митрополии и той ожесточенной борьбы, которую вела западная католическая церковь за восстановление своей власти в утраченной области. Но все эти события VIII—IX вв. изучаются автором в отрыве и от классовой борьбы и от тех изменений в социально-экономическом строе Византийской империи, которые вызывало иконоборческое движение. Это крупнейшее движение Laurent изучает лишь как догматическую борьбу, и в этом состоит порочность его работы, как и работ большинства буржуазных историков, бравшихся за исследования этого периода истории Византии.

Покойная G. Rouillard, занимавшаяся исследованиями по аграрной истории Византии, подготовила для этого тома небольшую статью, посвященную некоторым, большей частью еще неизданным хрисовулам Михаила VIII Палеолога монастырям.¹ Опубликованные ею акты могут быть использованы при исследовании прав и привилегий монастырей в поздней Византии и в частности — права иммунитета.

Две следующие статьи, принадлежащие перу R. Janin, относятся к топографии византийского Константинополя.² Обе они содержат библиографические сведения о литературе вопроса. Автор несколько расширил круг источников, привлеченных им к исследованию, по сравнению с другими учеными. В частности, он использовал агиографическую литературу, незаслуженно пренебрегаемую многими исследователями, синаксарь Константинополя, монастырские типики, Пасхальную хронику. Для второй работы автор дополнительно привлекает *De aedificiis* Псевдо-Кодина, произведения византийских историков, хронику Георгия Амартола и Феофана. Эти топографические этюды принадлежат к типу работ *de détail*, столь характерному для буржуазной историографии нашего времени. Современные буржуазные историки не берутся за разрешение крупнейших проблем византийской истории. Они занимаются обычно мелкими вопросами, выписывая десятки отрывков из источников для обоснования какой-либо мельчайшей черты изучаемого ими явления. Это — один из показателей ограниченности буржуазного византиноведения наших дней, от которого коренным образом отличается советское византиноведение, основанное на самом передовом, марксистско-ленинском методе исторического исследования, смело ставящее и успешно разрешающее основные, важнейшие проблемы византийской истории и создающее новую, марксистскую концепцию ее развития.

R. Loenertz печатает в рецензируемом томе материалы к истории Пелопоннеса в XIV в. (1382—1404),³ еще очень мало исследованной. Помимо обычных источников, привлекаемых для изучения этого периода, автор рассматривает две морейские хроники, издававшиеся Лампросом,⁴

¹ G. Rouillard. La politique de Michel VIII Paléologue à l'égard des monastères, p. 73—84.

² R. Janin. Études de topographie byzantine. Les citernes d'Aétius, d'Aspar et de Bonus, p. 85—115; R. Janin. Topographie de Constantinople byzantine. Le port Sophien et le quartiers environnants, p. 116—151.

³ R. Loenertz. Pour l'histoire du Peloponnèse au XIV-e siècle (1382—1404), p. 152—196.

⁴ S. Lampros. Βραχέα χρονικά. 'Αθήναι, 1932.

а также некоторый эпиграфический материал, в том числе надписи Парорийского храма возле Мистры.¹ Он останавливается главным образом на освещении прихода к власти в 1382 г. деспота Морей Феодора I Палеолога, его политики по отношению к туркам, разрыва между Баязетом и византийскими деспотами Морей в 1394 г., занятия Монемасии турками и ее отвоевания византийцами в 1394 г., турецких вторжений в Морею 1395—1397 гг., действий госпитальеров в Пелопоннесе в 1397—1404 гг. Внося некоторые новые детали в изложение этих событий, автор и здесь оставляет без рассмотрения вопросы общественно-экономического строя Пелопоннеса в этот период. Это игнорирование исследования социально-экономической истории полуострова является крупным методологическим пороком автора, лишаящим ценности его статью, в которой он ограничивается анализом фактов лишь политической истории.

Своеобразным интересом к нездоровой восточной экзотике, свойственным буржуазной историографии периода упадка, вызвана работа R. Guiland о евнухах в Византии, названная автором этюдом о византийской титулатуре и просопографии.² Непосредственным продолжением этого „исследования“ служит работа Guiland о функциях и званиях евнухов, напечатанная в двух последующих томах журнала.³ В введении к этим работам автор пытается обосновать научную ценность своей темы, так часто смаковавшей буржуазными учеными — любителями эротических анекдотов и экзотических рассказов из истории византийского Востока. Он утверждает, что предпринял данные исследования, чтобы „сделать вклад в историю мало известного управления Византийской империи“, в которой евнухи играли известную роль.

Не жалея места, автор приводит давно известные выдержки из источников, свидетельствующих о множестве евнухов при византийском дворе, где они кишели, по выражению Константина VII, „как мухи в стойле в летнее время“. Тщательно прослеживая все доступные источники, он перечисляет всех евнухов, занимавших те или иные должности, а также излагает обстоятельства, при которых они возводились в эти достоинства. Но наиболее подробно автор описывает отдельные виды евнухов, снабжая эти описания такими эпизодами, что его работа местами похожа больше на бульварный роман, чем на научное исследование. Поэтому, несмотря на большой „научный аппарат“ (указатели собственных имен, должностей и функций, географических названий и т. д.), весь этот „труд“ производит такое впечатление, что он написан для „оживления“ содержания журнала, чтобы дать читателю, жаждущему до восточной экзотики, квазинаучное чтение. Это явление чрезвычайно характерно для того состояния маразма и разложения, в котором сейчас находится буржуазная реакционная историческая наука.

Первый том журнала завершается двумя небольшими статьями V. Grumel, из которых одна посвящена порядку перемещений патриархов из одного патриархата в другой,⁴ а вторая ставит целью уточнить некоторые хронологические даты константинопольских патриархов

¹ G. Millet. Les inscriptions byzantines de Mistra. „Bulletin de correspondance hellénique“, XXIII, 1899.

² R. Guiland. Les Eunuques dans l'Empire Byzantine. Étude de titulature et de prosopographie byzantines, p. 197—238.

³ R. Guiland. Fonctions et dignités des Eunuques. „Études byzantines“, II, 1944, p. 185—225; III, 1945, p. 179—214.

⁴ V. Grumel. Le περί μεταθέσεων et le patriarche de Constantinople Dosithée, p. 239—249.

за время с 1111 по 1206 гг.¹ приведенные в „Geschichte der byzantinischen Litteratur“ Крумбахаера и „Dictionnaire de Théologie catholique“. Обе эти статьи являются материалами для подготавливаемого к печати III тома регест-актов Константинопольского патриархата. Небольшой отдел библиографии, имеющийся в томе, почти целиком занят краткими рецензиями, скорее даже аннотациями на работы, посвященные узким вопросам византийского богословия, аскетики, мистики, литургии.

Второй том (1944) „Études byzantines“ открывается работой P. Goubert о Византии и вестготской Испании.² В следующих двух томах помещена работа того же автора о византийском административном управлении в Испании.³ Тема эта разработана еще очень мало. Если по византийской Африке и византийскому экзархату в Италии, созданному в результате завоевательных походов Юстиниана I в VI в., есть обстоятельные, хотя уже и устаревшие, монографии Ш. Диля,⁴ то византийское управление в Испании совершенно не привлекало внимания исследователей, если не считать небольшой и малоценной статьи F. Görres, который ограничивается почти одними географическими описаниями испанских областей Византии.⁵

Но и рецензируемые статьи не дают сколько-нибудь полного освещения вопроса. Реакционная направленность автора, порочность его методологии наложили свой отпечаток на характер его исследования.

В первой статье (во II томе), носящей название „Byzance et l'Espagne wisigothique (554—711)“, Goubert ставил задачей проследить внешнюю историю завоевания Юстинианом I восточного побережья Пиренейского полуострова, борьбу населения завоеванной территории против византийского господства и утрату этой территории Византийской империей. Автор собрал разбросанные в источниках сведения о взаимоотношениях Византии с Вестготским королевством и дал некоторые новые подробности из истории византийского господства в Испании. Но главное внимание он сосредоточил на организации византийских епископств и вообще церковного управления. Очень характерно, что, упоминая автора одной из использованных им статей, „отца“ Zacharias Garcia Villada, Goubert называет его „мучеником испанской революции“. Это как нельзя лучше показывает реакционную политическую направленность как Goubert, так и всего журнала и свидетельствует об их политических симпатиях к фашистской Испании.

Продолжение данной работы, напечатанное в III и IV томах, посвящено анализу византийского административного управления в Испании. Порочность методологии автора ярко сказывается здесь в том, что он уделяет больше внимания характеристике последовательно сменявшихся византийских управителей-наместников — Либерия, Коментиола, Юлиана и других, чем своей задаче изучения форм византийского гражданского управления в Испании. В IV томе „Revue des études byzantines“ дано описание семи провинций, объединенных Юстинианом I

¹ V. Grumel. La Chronologie des Patriarches de Constantinople de 1111 à 1206, p. 250—270.

² P. Goubert. Byzance et l'Espagne wisigothique (554—711), p. 5—78.

³ P. Goubert. L'administration de l'Espagne byzantine. „Étude byzantines“, III, 1945, p. 127—142; „Revue des études byzantines“, IV, 1946, p. 71—133.

⁴ Ch. Diehl. L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533—709). Paris, 1896; Ch. Diehl. Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568—751). Paris, 1888.

⁵ F. Görres. Die Byzantinischen Besitzungen an den Küsten des spanisch-westgotischen Reiches (554—624). („Byzantinische Zeitschrift“, XVI, 1907, S. 515—538).

в один диоцез, прослеживаются административные связи византийской Испании и византийской Африки, описываются города византийской Испании Асс (современный Guadix), Astigi, Basti, Carteia, Dianium, Egabro, Malaga и др., Балеарские острова. Особое место занимает раздел о византийских влияниях на вестготскую Испанию. Но и в этом разделе автор совершенно игнорирует характерные особенности общественно-экономического строя византийской Испании. Мы находим здесь лишь положение о том, что кодекс Юстиниана был введен в действие на завоеванной в Испании территории, и отдельные попытки проследить, какое влияние оставило византийское законодательство на этой территории после того, как византийское господство прекратилось. Совершенно антинаучными являются попытки проследить корни „испанского антисемитизма“ в вестготской Испании, а тем более стремление доказать, что уже тогда зарождается это движение, которое, по мнению автора, длится, постепенно развиваясь, вплоть до Реконквисты и воссоединения Испании. Немало сил потратил автор на поиски „византийских церковных влияний в Испании“. Это понадобилось ему для того, чтобы обосновать свое порочное положение о том, что завоевательная политика Юстиниана I объясняется будто бы лишь стремлением Византии вести религиозную борьбу против наступавшего в VI в. арианства.

Явно извращая исторические факты, автор пытается утверждать, что освобождение от византийского господства было подготовлено „гармоническим синтезом германских и испано-римских элементов под эгидой церкви, который позволил объединить страну против агрессии империи“. На самом деле церковь и в византийской Испании смыкалась с завоевателями и, понятно, никоим образом не могла являться двигателем борьбы за освобождение от византийского господства.

Оставляя в стороне не заслуживающие внимания статьи о богословских взглядах Талассия Ливийского¹ и монашеском быте в XIV в.,² надо несколько остановиться на небольшой заметке о так называемом „деле Льва Халкедонского“ и хрисовулле Алексея I Комнина по поводу предметов культа.³ Дело в том, что автор заметки, стараясь исправить датировку предшествующих исследователей — Лебо, В. Г. Васильевского, Шаландона, анализировавших хрисовуллу Алексея I Комнина 1082 г., утверждает, что заключение данного акта предвещало новые попытки секуляризации церковных имуществ, заранее давало им оправдание. Между тем мы знаем, что время Комнинов и особенно Палеологов было периодом неограниченного роста церковно-монастырского землевладения и вообще богатств церквей и монастырей, на которые императорская власть уже не решалась посягать. Поэтому ошибочным является представление автора о рассматриваемом им хрисовулле как об акте, означающем поворот в политике византийских императоров по отношению к церковно-монастырскому имуществу.

В следующей статье рассматривается положение византийских храмов и монастырей при Латинской империи (1204—1261).⁴ Собранный автором материал из переписки папы Иннокентия III и Гонория III,

¹ M.-Th. Disdier. Le témoignage spirituel de Thalassius le Lybien, p. 79—118.

² S. Salaville. La vie monastique grecque au début du XIV-e siècle d'après un discours inédit de Théolepte de Philadelphie, p. 119—125.

³ V. Grumel. L'affaire de Léon de Chalcédoine. Le chrysobulle d'Alexis I-er sur les objets sacrés, p. 126—133.

⁴ R. Janin. Les sanctuaires de Byzance sous la domination latine (1204—1261), p. 134—184.

донесений венецианского подеста в Константинополе Тьеполо дожу Петро Зани, а также из известной хроники Виллардуэна и исторических трудов Георгия Акрополита и Никиты Хониата, дает некоторое представление, вопреки воле автора статьи, о том, как хищнически осуществлялся план ограбления Византии участниками четвертого крестового похода.

Третий том (1945) журнала „*Études byzantines*“ открывается статьей, посвященной памяти Ш. Диля, скончавшегося 1 ноября 1944 г. Статья содержит текст речи R. Guiland, одного из учеников Диля, произнесенной им на заседании, организованном в память Диля Institut néohellénique Парижского университета, и дающей краткий обзор научных трудов, научной и преподавательской деятельности покойного византиста. Этот том очень беден по содержанию: помимо уже рассмотренных работ о византийской Испании и евнухах, в нем помещены мелкие сообщения узко-богословского характера, вряд ли заслуживающие быть отмеченными в данном обзоре. Исключением является статья о двух письмах Мануила Комнина папе Александру III накануне второго крестового похода,¹ представляющая некоторый интерес для изучения международных отношений Византии в XII в.

С IV тома (1946) журнал принял название „*Revue des études byzantines*“. Этот том начинается статьей V. Laurent о румынском историке Йорга, убитом румынскими фашистами во время второй мировой войны и оставившем множество работ по истории Византии, в том числе трехтомный обобщающий труд „*Histoire de la vie byzantine*“, вышедший в Бухаресте в 1934 г.

В статье R. Guiland² собран материал, относящийся к порядку назначения и смещения высших византийских сановников. Этот материал мог бы содействовать изучению государственного аппарата Византийской империи. Но автор ограничивается собиранием фактов и не делает в своей работе никаких обобщений. Статья R. Janin посвящена храмам латинских колоний в Константинополе.³ S. Vanderlingen публикует в этом томе *Revelatio sancti Stephani*, один из памятников ранней истории церкви, относящийся к 415 г., сопровождая его формальным анализом сохранившихся рукописей этого памятника.⁴ В статье о Галате в древности⁵ дан свод археологических материалов по трудам ученых; изучавших древности Галаты и ее окрестностей. Эта работа несколько расширяет сведения о топографии Константинополя. В этом же томе помещена довольно обширная рецензия V. Laurent на книгу R. Devreesse об Антиохийском патриархате в IV—VII вв.⁶ Мало интересная в своей критической части, она довольно подробно излагает содержание книги R. Devreesse,⁷ уже разобранный в предыдущем томе „Византийского Временника“.⁸

¹ V. Grumel. Au seuil de la II-e croisade. Deux lettres de Manuel Comnène au pape, p. 143—167.

² R. Guiland. La collation et la perte ou la déchéance des titres nobiliaires à Byzance, p. 24—69.

³ R. Janin. Les sanctuaires des colonies latines de Constantinople, p. 163—177.

⁴ P. 178—217.

⁵ E. D. d'Alessio. Galata et ses environs dans l'antiquité, p. 218—237.

⁶ V. Laurent. Le patriarcat d'Antioche du IV-e au VII-e siècle, p. 239—251.

⁷ R. Devreesse. Le patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe. Paris, 1945.

⁸ Ф. М. Россейкин. Рецензия на названную книгу R. Devreesse. „Византийский Временник“, т. III, 1950, стр. 282—290.

Пятый том (1947) журнала „Revue des études byzantines“ начинается статьей G. Vardy о флорилегии Стефана Гобара.¹ Этот источник, мало еще изученный, вызывающий много недоуменных вопросов, рассматривался Фотием в его „Мириобиблионе“.² Фотий ничего не сообщает о личности автора этого флорилегия. Неизвестно даже его происхождение, так как ученые, занимавшиеся его трудом, колеблются между Сирией и Египтом. Судя по тому, что последний цитируемый им автор — Север Антиохийский, его жизнь и деятельность можно отнести ко второй половине VI в. Флорилегий Гобара является сборником вопросов и ответов на различные богословские темы. Но в отличие от обычных *Questiones et responsiones*, так распространенных со II в., автор флорилегия сам не отвечает на вопросы, а приводит разнообразные ответы, которые давались по той или иной теме как „отцами церкви“, так и представителями различных „еретических“ учений. Поэтому данный флорилегий служит интересным источником для изучения религиозной борьбы в ранний период истории византийской церкви. Основным недостатком статьи, лишаящим ее ценности, является то, что, изучая содержание флорилегия Гобара, автор ограничивается сугубо-формальным анализом этого источника, а значение его для истории церкви трактует с узко-конфессиональной точки зрения, в духе общей направленности всего журнала.

Статьи „Был ли Леонтий Византиец оригенистом?“³ о письмах Феолепта Филадельфийского⁴ и о догматических спорах 1275—1310 гг.⁵ никакого научного интереса не представляют. V. Laurent, который готовит издание корпуса *Notitiae episcopatum*, печатает в этом томе свои соображения о так называемой *Notitia Antiochena*.⁶ Здесь дается сравнительное описание сохранившихся рукописей этой *Notitia*, причем изыскания по различным хранилищам позволили автору почти удвоить число находившихся до сих пор в обращении рукописей и на этом основании сделать ряд новых наблюдений.

Заметка R. Guiland⁷ уточняет функции декана и референдаря как в церковном, так и гражданском аппарате Византийской империи.

В небольшой статье „К происхождению молдавской церкви“⁸ V. Laurent устанавливает порядок назначения первых молдавских митрополитов и излагает историю борьбы вокруг этого назначения между Византией и другими государствами Восточной Европы. Приложением к этой статье является публикация неизданного отрывка из греческой рукописи Парижской Национальной библиотеки № 1379, относящегося к истории назначения Иеремии митрополитом Молдавии.

В журнале напечатан также неизданный акт сербского деспота Константина Драгаса, публикуемый тем же автором. Это — один из актов, издававшихся сербскими правителями на захваченной ими византийской территории. Подобные акты, большое количество которых

¹ G. Vardy. *Le florilège d'Etienne Gobar*, p. 5—30.

² Photius. *Bibliotheca*, cod. CCXXXII; *Migne. Patr. gr.*, v. CIII, col. 1092—1105.

³ M. Richard. *Léonce de Byzance était-il origéniste?*, p. 31—66.

⁴ S. Salaville. *Une lettre et un discours inédits de Théolepte de Philadelphie*, p. 101—115.

⁵ S. Salaville. *Deux documents inédits sur les discussions religieuses byzantines entre 1275 et 1310*, p. 116—136.

⁶ V. Laurent. *La Notitia d'Antioche. Origine et tradition*, p. 66—89.

⁷ R. Guiland. *Le décanos et le référendaire*, p. 90—100.

⁸ V. Laurent. *Aux origines de l'église de Moldavie*, p. 158—170.

было издано в последнее время,¹ составлялись по византийским образцам с учетом византийских общественно-экономических институтов. Желая привлечь на свою сторону афонское монашество, пользовавшееся большим влиянием, сербские правители не только сохранили прежние привилегии афонских монастырей, но даже жаловали им новые. Опубликованный в томе акт — один из подобных актов сербских правителей, в которых известному Ватопедскому монастырю жалуются иммунитетные и другие привилегии.

С. Danguitsis в своей статье возвращается к вопросу о первоначальной версии эпоса о Дигенисе Акрите,² вопросу, имеющему уже значительную литературу. По мнению автора, основное значение имеют Гротта-Ферратская и Эскуриальская рукописные версии. Все остальные, в том числе и Оксфордскую и Трапезунтскую, автор считает производными. Полемизируя с Грегуаром, Гесселингом и другими авторами, занимавшимися изучением эпоса о Дигенисе Акрите, Danguitsis утверждает, что первичной является Эскуриальская рукописная версия и что критическое издание этого эпоса возможно только на этой основе.

Две следующие статьи Grumel посвящены узким вопросам о положении протов Афона при Алексее I Комнине³ и о роли Фотия в вопросе о добавлении filioque к никейско-константинопольскому символу веры.⁴ Заметка о вновь открытой в Преславе протоболгарской надписи⁵ в основном представляет собой пересказ статьи болгарского ученого Венедикова,⁶ опубликовавшего эту надпись, открытую Мавродиновой в экспедиции 1945 г. Надпись содержит такие термины, как „внутренние бояре“, „боилы“, „жуланы“, и может быть привлечена к исследованию внутренней истории Первого Болгарского царства.

Данный том оканчивается обзором опубликованных в Венгрии за время войны (1939—1945) работ по истории Византии.⁷ Из перечисленных в обзоре трудов венгерских ученых надо отметить работу академика Г. Моравчика „Byzantinoturcica“ о языковых остатках турецких народов в византийских источниках. Труд Моравчика⁸ содержит обширную общую библиографию по истории, библиографию, относящуюся к истории народов, соприкасавшихся с Византией, а также анализ громадного количества источников, причем по каждому из них приводятся указания на все те места, в которых встречаются упоминания того или иного народа. Следует подчеркнуть, что в работе Моравчика отражены ошибочные взгляды реакционной так называемой турецкой школы этногенеза венгерского народа. Поэтому его работа

¹ A. Soloviev i V. Mosin. Гръцке повеље српских владара (Diplomata graeca regum et imperatorum Serviae). Beograd, 1936.

² C. Danguitsis. Le problème de la version originale de l'épopée byzantine de Digénis Akritas, p. 185—205.

³ V. Grumel. Le protos de la Sainte-Montagne de l'Athos sous Alexis I-er Comnène et le patriarche Nicolas III Grammaticos, p. 206—217.

⁴ V. Grumel. Photius et l'addition du filioque au symbolon de Nicée-Constantinople, p. 218—234.

⁵ F. Dény. Une inscription en langue proto-bulgare découverte à Preslaw, p. 235—239.

⁶ И. Венедиков. Новооткритият в Преслав прѳоболгарски надпис. „Bulletin de l'Institut Archéologique Bulgare“, XV, 1946, p. 146—160.

⁷ M. Gyoni. Les études byzantines en Hongrie pendant la guerre, 1939—1945, p. 240—256.

⁸ G. Moravcsik. Byzantinoturcica. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Turkvölker (Magyar Görög Tanulmányon-Összefoglalás és Művelés, 20). Budapest, 1942, 378 S. II. Sprachreste der Turkvölker in den byzantinischen Quellen (MGT, 21), Budapest, 1943, 326 S. mit 8 facsimilés.

должна быть критически рассмотрена советскими учеными-специалистами. Преобладающее большинство остальных отмеченных в обзоре исследований и публикаций венгерских византинистов относится к области византино-венгерских отношений.

В 1948 г. вышли два выпуска VI тома „Revue des études byzantines“. Первый выпуск открывается статьей V. Laurent о титуле вселенского патриарха и патриаршей подписи.¹

О направленности всей статьи достаточно отчетливо говорит определение автором значения титулатуры. По его мнению, титулатура „предстает в лоне самых различных цивилизаций как фактор порядка и социального благополучия“ (стр. 5). Для советского читателя антинаучность подобного утверждения очевидна, ибо ни в одном классовом антагонистическом обществе, а тем более в Византии, где угнетение непосредственных производителей достигало высшей точки, невозможно говорить о каком бы то ни было общем порядке и социальном благополучии.

Как и многим другим реакционным буржуазным ученым, утверждение о „социальном благополучии Византии“ понадобилось автору данной статьи для того, чтобы идеализировать теократический характер Византийской империи, расценивавшей классиками марксизма как препятствие для распространения прогресса в Европе.

Далее в первом выпуске напечатана статья Грегуара о первоначальной версии эпоса о Дигенисе Акрите,² представляющая собой ответ на отмеченную выше статью С. Danguitsis по этому же вопросу.³ Грегуар считает ложным метод исследования этого автора, отмечает незнакомство его с новейшей литературой вопроса, считает легковесным его вывод, в котором он отдает предпочтение той или иной случайно сохранившейся рукописи в качестве основы для критического издания эпоса. Следует отметить, что даже Грегуар, всегда стремящийся признать значение русской культуры, вынужден признать, что при выяснении происхождения этого эпоса нужно прежде всего изучать его русские версии, что эпос о Дигенисе Акрите невозможно понять без исследования вопроса о влиянии на него русских былин. „Всякая попытка, — говорит Грегуар, — восстановления оригинала, которая оставляет без внимания русские тексты, является порочной. От русской версии следует отправляться, чтобы оценить, в большинстве случаев, значение греческих рукописей“ (стр. 30). Грегуар подчеркивает, что только русский оригинал сохранил пролог ко всему эпосу. Только русская версия дает возможность установить время, место и обстоятельства, при которых сложился этот эпос, отражающий ненависть павликиански настроенных масс к Византийской империи.

Итальянский историк Меркати опубликовал в первом выпуске VI тома неизданный акт о различных пожалованиях Манганскому монастырю (по Ватиканской рукописи № 128).⁴ В комментариях автор останавливается на некоторых особенностях языка акта. Приложен снимок образца письма рукописи, по которой публикуется акт.

¹ V. Laurent. Le titre de patriarche oecumenique et la signature patriarchale. „Recherches de diplomatique et de sigillographie byzantines“, VI, 1948, fasc. 1, p. 5—26.

² H. Crégoire. Le problème de la version „originale“ de l'épopée byzantine de Digenis Akritas, p. 27—35.

³ „Études byzantines“, V, 1947, p. 185—205.

⁴ S. G. Mercati. Un testament inédit en faveur de Saint-Georges de Mangan, p. 36—47.

Следующая статья первого выпуска VI тома посвящена служебной карьере Георгия Франдзи,¹ византийского историка эпохи Палеологов. Автор лишь устанавливает роль, которую играл Франдзи в византийском правительстве, и вместе с тем сообщает некоторые детали о развитии византийской „табели о рангах“ в последние десятилетия существования Византийской империи.

Историографическая заметка V. Grecu рассматривает произведение Никиты Хониата, цитируемое обычно под названием „De signis“.² Речь идет о небольшом произведении Никиты Хониата, посвященном описанию памятников искусства, находившихся в столице Византии до четвертого крестового похода и разрушенных латинянами после завоевания Константинополя. Опровергая мнение Шаландона, Крумбахера, Монтелатичи, Острогорского, Моравчика о том, что „De signis“ Никиты являлось самостоятельным произведением, будучи добавлением к его „Истории“, автор доказывает, что оно было лишь частью и естественным продолжением „Истории“ Никиты Хониата. Решение, даваемое автором, не может считаться окончательным, и этот вопрос подлежит дальнейшему исследованию.

После небольшой заметки о синодике афинской церкви³ в первом выпуске помещена статья⁴ о книге Lemerle по вопросу о Македонии.⁵

Автор делает некоторые добавления к труду Lemerle. Они касаются хронологии сборщиков налогов Фессалоникской фемы XIV в., некоторых уточнений данных о чиновниках фемы Стримона и описания стены Христополя.

Остальная часть первого выпуска VI тома посвящена хронике и библиографии. Здесь напечатана заметка о французской школе в Афинах в связи со столетием со времени ее основания.⁶ Далее идет обзор, написанный автором этих строк в начале 1947 г. для Антифашистского комитета ученых СССР. Самый факт напечатания этого обзора без ведома и против желания автора свидетельствует о нравах желтой прессы, процветающих в органах реакционной буржуазной науки. Но наибольшее возмущение вызывает „введение“ господина Laurent, которым редакция сочла возможным снабдить этот обзор. В этом „введении“ с легкой руки Грегуара, который специализируется на клеветнических выпадах против передового советского византиноведения, по отношению к которому нам уже приходилось выступать в печати,⁷ господин Лоран повторяет его клеветнические домыслы об упадке и даже „запрещении“ (proscription), которому якобы одно время подвергались византийские исследования в СССР. Между тем всем, кто внимательно и беспристрастно следил за развитием передовой советской исторической науки, хорошо известно, что она, в том числе и византиноведение, как одна из ее отраслей, получая постоянную помощь и поддержку партии, правительства и лично вождя и учителя

¹ R. Guiland. Le protovestiarite Groiges Phrantzès, p. 48—57.

² V. Grecu. Autour du De Signis de Nicetas Choniates, p. 58—66.

³ V. Grumel. Remarques sur le synodicon d'une église de Grèce, p. 67—73.

⁴ V. Laurent. La Macédoine orientale à l'époque byzantine. A propos d'un livre récent, p. 74—85.

⁵ P. Lemerle. Philippos et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. „Recherches d'histoire et d'archéologie“ (Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome, fasc. 158, Paris, 1945).

⁶ Ch. Delvoye. L'Ecole française d'Athènes et les études byzantines (à l'occasion du centenaire), p. 86—93.

⁷ Б. Горянов. По поводу выступления проф. Грегуара. „Вопросы истории“, 1948, № 1.

народов СССР И. В. Сталина, переживала с первых дней советской власти и переживает и сейчас такой подъем и расцвет, о котором и мечтать не может находящаяся в упадке буржуазная историография, как и вся буржуазная наука. Господину Лорану зачем-то понадобилась выдумка о том, что первый том „Византийского сборника“ якобы исчез при каких-то таинственных обстоятельствах и что второй том этого сборника, вышедший в 1945 г., в измененном виде повторяет содержание первого тома. Хорошо известно, что вышел всего один том „Византийского сборника“. Он был готов к печати до начала Великой Отечественной войны, но его печатание задержалось из-за усложной блокады города-героя Ленинграда, и он вышел в свет в 1945 г. Необходимо, кроме того, подчеркнуть, что самовольно напечатанный редакцией обзор этот касается работ советских византистов кончая 1946 г. и, будучи напечатан в 1948 г., уже не отражал тогдашнего состояния советского византиноведения.

В конце выпуска помещена справка об изданиях византийских текстов после 1939 г.

Второй выпуск VI тома (1948) открывается статьей Лорана о епископальных летописях в византийской церкви Кипра.¹ Далее печатается статья R. Guillard, содержащая некоторые комментарии к „Книге церемоний“ Константина VII Порфирородного² по топографии византийского Константинополя. Перу того же Лорана принадлежит заметка о митрополите Фессалоники—Исидоре Главе.³ В статье Банеску,⁴ изгнанного правительством Румынской Народной Республики из состава профессуры, рецензируются, вернее, аннотируются две византиноведческие работы, в том числе работа А. А. Васильева⁵ о нападении русских на Константинополь в 860 году.⁶

В этом же выпуске помещен „археологический бюллетень“ за 1940—1947 гг.,⁷ содержащий довольно полный перечень мировой литературы по ранне-христианской и византийской археологии, вышедшей за указанные годы. Лоран печатает в этом выпуске обзор исследований по различным отраслям византиноведения, появившихся в Румынии в 1939—1946 гг.,⁸ с большим перечнем литературы. В отделе библиографии — несколько мелких рецензий, носящих скорее характер аннотаций, авторы которых излагают содержание рецензируемых работ, не давая им принципиальной оценки.

В хронике второго выпуска VI (1948) тома печатается краткая информация о работе VI и VII международных конгрессов византистов, состоявшихся в 1948 г. один за другим в Париже и Брюсселе. Судить о сообщениях и докладах, сделанных на этих конгрессах, можно будет

¹ V. Laurent. Les fastes épiscopaux de l'église de Chypre, p. 153—166.

² R. Guillard. Autour du livre des cérémonies, l'augusteus, la main d'or et l'onopodion, p. 167—180.

³ V. Laurent. Isidore Glabas, métropolitain de Thessalonique (1380—1396), p. 181—190.

⁴ N. Banescu. Deux études byzantines, p. 191—198.

M. Gyöli. L'oeuvre de Kekaumenos, source de l'histoire roumaine. „Revue d'histoire comparée“, XXIII, 1945, p. 96—180.

⁵ A. A. Vasiliev. The Russian attack on Constantinople in 860. „The Medieval Academy of America“, Cambridge, Massachusetts, 1946.

⁶ Об этой книге А. А. Васильева см. критическую статью проф. М. В. Левченко „Фальсификация истории византино-русских отношений IX в. в трудах А. А. Васильева“ в этом томе „Византийского Временника“.

⁷ P. Lemerle. „Bulletin archéologique“, 1940—1947, p. 199—240.

⁸ V. Laurent. Les études byzantines en Roumanie 1939—1946, p. 241—26

лишь тогда, когда будут напечатаны обещанные к изданию акты обоих конгрессов. Наконец, нужно остановиться на „собственной информации“, которую напечатал в этом выпуске уже упоминавшийся нами клеветник господин Лоран, директор издания, о византийских исследованиях в СССР. По существу Лоран пересказывает информацию о сессии Отделения истории и философии АН СССР 1947 г., посвященной вопросам византиноведения, напечатанную в „Вопросах истории“ (1948, № 1—2), пересыпая эту информацию собственными злостными клеветническими измышлениями против передового советского византиноведения, приходящегося не по нраву реакционеру-мракобесу „отцу“ Лорану. Эти измышления свидетельствуют о непонимании процессов, развивающихся в советском византиноведении, которое как и вся советская историческая наука, строится на основе самого передового в мире марксистско-ленинского метода исторического исследования, а также о желании реакционных мракобесов оклеветать советское византиноведение, в корне отличающееся от загнивающего буржуазного византиноведения. Лучшим доказательством этого загнивания и маразма служит содержание журнала „Revue des études byzantines“, обзор которого за 1943—1948 гг. мы дали здесь.

Б. Т. Горянов

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В РУССКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Крестовые походы, как одно из выдающихся событий средневековой истории, издавна привлекали внимание русских историков.

Как и в других областях знания, русские исследователи и в этом вопросе шли не проторенной дорогой, они прокладывали новые пути в науке, делали самостоятельные открытия, двигали вперед исследовательскую мысль. Они внесли много ценного в разработку этой проблемы в целом и в частности, но, как буржуазные историки, не смогли разрешить ее удовлетворительным образом. Созданные ими концепции крестовых походов свидетельствуют о методологической слабости, классовой ограниченности, а зачастую и политической реакционности их авторов, отражавших общественно-политические устремления господствующих классов царской России.

Товарищ И. В. Сталин учит, что „... источник происхождения общественных идей, общественных теорий, политических взглядов, политических учреждений нужно искать... в общественном бытии, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п.“¹ Именно этим „общественным бытием“, своеобразием исторического процесса, классовой борьбы и общественно-политических отношений в России второй половины XIX и начала XX вв. объясняются в конечном счете как достижения, так и недостатки работ русских буржуазных медиевистов по истории крестовых походов.

Задачей настоящего обзора является, проанализировав в хронологическом порядке работы русских буржуазных ученых по истории

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 110.